

БЕСПАЛЫЙ Ю. Н., докторант УО «Белорусский государственный университет культуры и искусства»

Социокультурная динамика рыцарского и шляхетского сословий: общее и особенное

В статье рассматривается формирование западноевропейского рыцарства и аналогичного сословия в Великом княжестве Литовском. И первое и второе в данном процессе демонстрировало закономерные и своеобразные пути развития. Это же можно сказать и о формировании главных элементов культуры европейского рыцарства и отечественной шляхты. В статье исследуется данная парадигма, а также общее и особенное в ней, ее влияние на средневековую культуру, раскрываются особенности социокультурной динамики средневекового общества.

The article examines the formation of Western European knighthood and a similar estate in the Grand Duchy of Lithuania. Both the first and the second in this process demonstrated natural and peculiar ways of development. The same can be said about the formation of the main elements of the culture of European chivalry and domestic gentry. The article examines this paradigm, as well as its general and special, its influence on medieval culture, reveals the features of the socio-cultural dynamics of medieval society.

Введение. Европейская источниковедческая и историографическая база анализируемых отношений очень обширна, в том числе она включает и литературно-художественные рыцарские произведения Средневековья («Песнь о Сиде», «Песнь о Роланде» и др.). Изучению средневековой культуры и упомянутых художественных текстов посвящены работы известных культурологов и историков: Й. Хейзенге «Осень средневековья» [1], Ж. Л. Гоффа «Цивилизация средневекового Запада» [2], М. Оссовской «Рыцарский этос» [3], которые использованы автором для проведения компаративистского анализа изучаемых сословий.

Исследования отечественных ученых в данной области не столь значительны. Можно указать монографию Г. Я. Га-

ленченко «Шляхетская демократия в Великом княжестве Литовском XVI–XVIII вв.» [4], статьи А. П. Грицкевича, А. И. Мальдиса в Энциклопедии истории Беларуси [5], научной и научно-популярной литературе.

Однако проблемой сравнительного анализа социокультурных условий динамики правящих сословий в Западной Европе и ВКЛ белорусские ученые не занимались, что дает основания исследователям обратить внимание на данный вопрос.

Отметим, что под подобным углом зрения данный вопрос не рассматривался. Пользуясь подбором научной и научно-популярной литературы отечественных исследователей (А. Грицкевича, А. Мальдиса, Л. Рублевской и др.),

анализируя их, можно выделить общие и особенные черты в формировании культурного поля шляхты.

Более богатая научная картина сложилась в области изучения культуры европейского рыцарства. Сюда можно отнести теоретические разработки Й. Хайзенге, Ж. Л. Гоффа, Ж. Руби, Л. Блюма, исследования А. Гурвича, Ю. Бессмертного и др., диссертации Е. Смирновой [6] и Е. Орловой [7].

Источниками, подтверждающими концепцию автора о наличии общих черт рыцарской и шляхетской культуры, о зависимости этого явления от общей социодинамики, подтверждают дневниковые записи А. Солтана, Ф. Евлашевского, Н. Радзивила Сиротко и др., а также средневековый эпос.

Цель статьи – анализ общих и особенных черт в формировании западноевропейского рыцарства и шляхты Великого княжества Литовского.

Основная часть. В процессе формирования западноевропейского рыцарства явно проявились качественные отличия, обусловленные социокультурной, экономической и политической ситуациями. Первая ступень данной эволюции – это рыцари конники раннего средневековья. До следующего этапа прошло почти четыре столетия, в течение которых определилось значение рыцарей-конников, все материально-технические атрибуты рыцарства. Таким образом, на первом этапе возникла система распределения благ в средневековой Европе исходя из заслуг, статуса, положения рыцарей. Отличительными чертами такого распределения было установление неравенства в распределении благ, которое обычно осуществлялось единолично (королями, монархами). «Карл Мартелл не только ввел в употребление такую кавалерию, но и секуляризировал множество церковных земель для ее содержания. Вот почему его называют основателем «европейского феодализма». Главной проблемой тогда стало создание такой социальной структуры, которая постоянно позволяла бы

значительному по размерам классу рыцарей удовлетворять свои психологические потребности и поддерживать моральный дух, необходимый для обучения воинскому искусству и несения рыцарской службы, и давала бы возможность покрывать огромные затраты на лошадей, снаряжение и свиту. В основе феодального общества лежало требование содержать касту кабарариев, шевалье, рыцарей, шляхты, связывавшее в неразрывное целое землевладение и кавалерийскую традицию» [8, с. 227].

Следующий этап развития европейского рыцарства связан с появлением рыцарей-монахов, которые составили членство образованных в конце XI – начале XII в. духовно-монашеских и миссионерских орденов: госпитальеров (ионитов), тамплиеров, тевтонского и ливонского. С данным этапом связана теоретическая разработка понятия «священная война», инициаторами которой выступили Св. Августин, Урбан II и другие богословы. В IV в. христианство возведено в ранг государственной религии, что обусловило обоснование необходимости обороны страны и внутреннего порядка. В основу западно-церковной военной доктрины положена идея о справедливой войне при условии, что, если все мирные средства исчерпаны по пресечению беззакония, война ведется законными властями методами милосердия. Защитники церкви обещали вечное спасение. Таким образом, под влиянием церкви формируется система ценностей, поддерживается механизм распределения благ между сословиями, формируется идеал средневековой жизни и рыцарства. «Долгое время чувства и помыслы западных людей были обращены к Иерусалиму небесному. Церковь же показала христианам, что его можно обрести через Иерусалим земной, и утолила жажду странствий, владевшую теми христианами, которых реальности этого мира не могли привязать к земле, предложив им паломничество, крестовый поход, обещавший удовлетворить все желания, – приключений, богатства и вечного спасе-

ния. Крест был еще на Западе не символом страдания, а символом торжества» [2, с. 69]

Данные черты были выразительно продемонстрированы во времена крестовых походов, но не всегда с положительным эффектом, скорее, наоборот.

С окончанием основных крестовых походов, приближением эпохи Возрождения наступает новый этап в развитии европейского рыцарства – рыцари постепенно превращаются в рыцарей-придворных.

За сотни лет рыцарство выработало свой идеальный образ с четкой системой ценностей, которому следовали, подражали, который распространяли. Первоначально к нему относились лица знатного происхождения, воинская доблесть, личная храбрость, неустрашимость и искусność в бою, великодушие к противнику, честь, верность и др. [7, с. 8]. В дальнейшем идеальный образ рыцарства детализировался в гербах, знаменах, декорированном оружии, одежде, шпорах, орнаменте и т.д. Одним из интересных и ранних атрибутов культурного образа рыцаря можно считать гербы. Встречаются сведения, что первый герб использовал граф Анжуйский (Плантагенет) не позднее 1130-х гг. За столетие их разнообразные варианты разошлись по многим европейским странам. Рыцарский герб можно рассматривать как своеобразный знак отличия и награду для героя и целой семьи.

Рыцарь-придворный должен был выделяться физической красотой, куртуазностью, т.е. служением и платонической любовью к «прекрасной даме» с девизом «Сражаться и любить».

Принцип вассалитета предусматривал и исполнение судебной функции рыцарской вертикалью. Ее целью было утверждение справедливости. При этом, справедливость понималась как защита церкви и служителей Божиих, а также защита вдов и сирот, бедных и неимущих. В реальности установлением справедливости являлось поддержание власти и

существующего порядка, т.е. закрепление неравенства сословий и носило характер устрашения. Между рыцарями споры решались поединком или через «божий суд», но до низших слоев общества справедливый суд не доходил. Особенно такое неравенство было заметно в экономической сфере мены и товарооборота, в которых «...множественность юрисдикций способствовала сеньориальному произволу, многочисленность и разнообразие зависимых от воли сеньора мер и весов были инструментами сеньориального произвола» [2, с. 282].

Таким образом, европейское рыцарское сословие, пройдя значительный путь эволюции структуры и многих специфических элементов культуры, вылилось в эталон этических и эстетических правил, которые под влиянием идей Романтизма в конце XVIII – начале XIX в. сложились в выразительную культурологему. Суть ее в том, что избранное теологическое-аксиологическое содержание соединили с романтическим идеалом свободного человека, прославленного во многих художественных произведениях.

Отечественное рыцарство (шляхта) также прошло определенные этапы развития, но их динамика была сравнительно непродолжительной. В начальный период формирования шляхетского сословия на рубеже XIV – XV в. оно представляло разные уровни вооружения: тяжелая кавалерия (можно сказать – элита): шляхта, вооруженная магнатами, на землях которых она проживала (панове) и ее представители, составляющие отдельную конную хоругву (паняты). Качественный уровень рыцарей-конников в ВКЛ прошел серьезнейшую проверку в 1410 г. во время Грюнвальдской битвы против представителей европейского рыцарства. Победа в ней была одержана союзниками – Польской Коронай и Великим княжеством Литовским, которые состояли из инородных подразделений, например, татар, применявших новую тактику. В этом смысле напрашивается сравнение с битвой при Кутюрье. Ее

можно рассматривать как начало конца классического рыцарства, то Грюнвальд – как его окончание. Грюнвальдскую битву можно оценить как точку отсчета в отсутствии второго этапа в развитии отечественной шляхты – рыцарей-монахов. Такой группы на белорусских землях не сформировалось, т.к. надобности в ней уже не было.

Третий этап развития шляхетского сословия – придворного продемонстрировал свое многообразие, так как был многоступенчатым. Высшая прослойка шляхетства – классическое рыцарство, которое было очень малочисленно, его в основном представляли магнатские семьи (например, Радзивиллы, Сапегы, Ходкевичи и др.), из которых состоял двор великого князя. Одновременно свита магнатов состояла из десятников, а иногда в большей степени из представителей богатой и знатной шляхты. Но главная специфическая черта этих отношений, пронизывающая данные отношения, – не идея вассалитета (и его иерархической структуры), так как никто никому клятву не давал, а присутствие идеи равенства, особенно в политической области. Такая особенность также выделяет особенности статуса шляхты – как индивидов, не зависящих от могущественного покровителя – суверена, которая не характерна для средневековой Европы.

Развитие шляхетской культуры в определенных ракурсах соответствовало аналогичным европейским образцам рыцарской культуры – поэзии, символики, высокой моды, что привело к своеобразному течению, получившему название «сарматизм». Выразителем-маркером этих направлений стало изобразительное искусство ВКЛ XVI в. Возникновение парадного европейского портрета специалисты относят к середине XV в. в Испании. В ВКЛ он появился на несколько десятилетий позже. Чисто рыцарское направление отразилось в основном в парадных портретах многих Радзивиллов, начиная с Юрия Геркулеса-Полевого и великого гетмана Литовского 1-й половины XVI в.,

затем его преемников – племянника Николая Черного и сына Николая Рыжего, сына последнего Кристофа Радзивилла (Перуна), и др. Их портреты демонстрировали эталон защитника Родины и Веры, гаранта шляхетской вольности.

Именно вольности, а также семья признавались абсолютной ценностью личности каждого шляхтича, равного в этом аспекте друг другу. В «золотой век» ВКЛ была сформирована идеологическая программа данного явления, а именно: сарматизм. С одной стороны, эта убежденность в происхождении представителей магнатории шла от римского сенатора Палемона, а с другой – предками остальной шляхты рассматривались сарматские племена, а местные племена, проживающие в данном днепро-карпатском регионе, были покорены и составили зависимые группы населения ВКЛ. Оценивая данное явление, академик Д. Лихачев делал вывод о том, что, с одной стороны, сарматизм был порожден контрреформацией, а с другой – был связан с историческими условиями, т.е. частными войнами, развитием патриотизма, отличающегося примитивным патриотизмом (национализмом) и кастовостью [9, с. 53]

В культуре сарматизм отразился примитивным искусством. Очень интересное замечание о его возникновении высказала Е. Корсакова: «Парадное портретное искусство движется на Восток через ряд стран, входящих в орбиту Северного Ренессанса. По мере приближения к Речи Посполитой народные композиции становились все более упрощенными. В этом есть некая закономерность: чем отдаленнее страна и ее живописцы от художественных центров и классических прототипов, чем ниже профессиональная подготовка творцов и взыскательность общества, тем примитивнее становится изобразительное искусство как таковое» [10, с. 30].

Специфические черты искусства, характерные для польской и белорусской культуры: отображение представительности, достоинства и заслуги заказчи-

ка. Об этом свидетельствуют парадные сарматские портреты, сохранившиеся в Национальном художественном музее Республики Беларусь. К примеру, портреты князя Михаила Борисовича (конец XVI в.), Гризельды Сапеги (1-я половина XVII в.), Кристофа Веселовского (1-я половина XVII в.), Александры Веселовской (1-я половина XVII в.), Кристофа Ходкевича (вторая половина XVII в.) и др. Авторы этих произведений неизвестны, но, очевидно, что все они не имели профессионального образования.

К примитивной (инситуной) форме изобразительного искусства можно отнести активное изваяние надгробных памятников с эпитафиями. Например, в усыпальнице Радзивиллов в Несвижском костеле надгробную композицию князя Павла Сапеги и его трех жен, многочисленные памятники зажиточной шляхты, дошедшие до наших дней.

Следующей характеристикой в европейском контексте высшей прослойки и частично средней шляхты являются ее заграничные контакты. В ВКЛ они начались уже в 1467 г., когда великий князь Казимир отправил Александра Солтана (подскарбия княжества) с дипломатической, военной и паломнической миссией за границу. А. Солтан, был высокообразованной личностью, посетил двор германского императора Фридриха III, Неаполь, Сицилию. Исповедуя православие, он был принят папой римским Павлом III, посетил Иерусалим, на обратном пути – Португалию, Бургундию, где был награжден высоким орденом Золотого Руна, затем Англию. Вернулся на родину почти через 10 лет, восприняв многое из европейской рыцарской традиции [11, с. 12–17].

Больше 10 лет провел за границей будущий возмутитель спокойствия в ВКЛ князь Михаил Глинский. За это время он овладел основными европейскими языками, рыцарским искусством в войсках императора Максимилиана II, который стал его другом, как и ряд других европейских монархов, также награжден орденом Зо-

лотого Руна. Как писал современник, «...усвоил изящные манеры и рыцарские обычаи, ... куртуазность, где снискал большую известность. Окончил медицинский факультет Болонского университета, увлекался живописью, астрономией, богословием [11, с. 20–21).

Шляхецкие амбиции превратили князя М. Глинского в одночасье из друга великого князя Александра во врага, довели его организации до вооруженного выступления против его преемников, закончившегося через десятилетия насильственной смертью.

Частыми гостями в зарубежных странах были члены семейства Радзивиллов, Глебовичей, Сапег и др.

Своеобразным опытом этих визитов стало их участие в рыцарских турнирах, знание их правил. О популярности турниров свидетельствует участие в них гостей из европейских стран. Интересно, что в одном из них, в конце XVI в. в качестве юмористической выставки, было расценено участие в ней женщин в рыцарских доспехах.

В конце XVII – XVIII в. культурная ситуация кардинально изменилась. Культурная динамика приобрела ярко выраженную сарматскую специфику. Она представляла театрализованные действия, в которых соединялись традиционные обычаи и профессиональные действия. Это относится к основателям любительских театров – У. Ф. Радзивилл, К. М. Огинского, С. Зорича и др., которые отличались от традиционных увеселений шляхты.

Заключение. Таким образом, можно констатировать, что европейское рыцарское сословие и шляхетское сословие Великого княжества Литовского имеют схожие этапы эволюции, внутренней структуры, отражение их символики и идеала в культуре. Но вместе с этим, и шляхетское сословие, и шляхетская культура, являются уникальными феноменами, т.к. не «вписываются» в средневековый рыцарский европейский идеал. Развитие шляхетской культуры соответ-

ствовало аналогичным европейским образцам рыцарской культуры – поэзии, символики, высокой моды, но в то же время привело к своеобразному течению, получившему название «сарматизм». Специфической чертой шляхетского сословия была не идея вассалитета, подчинения и, соответственно, выражения последнего в иерархической структуре общественных отношений, а идея равенства, что совсем не характерно для средневековой Европы.

1. Хейзинга, Й. Осень Средневековья / Ёохан Хейзенга ; пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова ; коммент. Д. Э. Харитоновича. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. – 720 с.

2. Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада : пер. с фр. / Ж. Ле Гофф ; общ. ред. Ю. Л. Бессмертного ; послесл. А. Я. Гуревича. – М. : Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. – 376 с.

3. Оссовская, М. Рыцарь и буржуа [Электронный ресурс] / М. Оссовская. – Режим доступа: https://bookscafe.net/read/ossovskaya_mariya-rycar_i_burzhua-175118.html#p1. – Дата доступа: 27.11.2022.

4. Галенченко, Г. Я. Шляхетская демократия в Великом княжестве Литовском XVI–XVIII вв. [Электронный ресурс] / Г. Я. Галенченко. – Режим доступа: <https://www.yabloko.ru/Themes/Belarus/belarus-33.html>. – Дата доступа: 25.11.2022.

5. Энциклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. – Беліца / Беларус. энцыкл. ; рэдкал.: М. В. Бічынш. ; праф. М. Ткачова ; маст. Э. Э. Жакевіч. – Мінск : БелЭн, 1993. – 494 с., [8] к. іл.

6. Смирнова, Е. Символика света и форменная одежда средневековых сословий [Электронный ресурс] / Е. Смирнова. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/13220/>. – Дата доступа: 14.11.2022.

7. Орлова, Е. И. Ценностная специфика рыцарского идеала и его культурные формы : дис. ... кандидата культурологии : 24.00.01 / Е. И. Орлова. – М., 2009. – 189 с.

8. Дэвис, Н. История Европы / Н. Дэвис ; пер. с англ. Т. Б. Менской. – М. : АСТ : Транзиткнига, 2004. – 943.

9. Лихачев, Д. С. Социально-исторические корни отличий русского барокко от барокко других стран / Д. С. Лихачев // Сравнительное изучение славянских литератур : материалы конф., 18–20 мая 1971. – М., 1973. – С. 387.

10. Корсакова, Е. Е. Художественный примитив в пластическом и театральном искусстве Беларуси XVI–XVIII вв. / Е. Е. Корсакова. – Минск : А. Н. Вараксин, 2018. – 184 с.

11. Рублевская, Л. И. Рыцари и Дамы Беларуси: исторические очерки / Людмила Рублевская. – Минск : Маст. літ., 2013. – 246 с.

Статья поступила в редакцию 20.03.2023